

УДК 37.016:811

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Санжина Д.Д.

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», Улан-Удэ, e-mail: dsanzhina@yandex.ru

Статья посвящена языковой толерантности или терпимости на примере бурятской литературы. Терпимость-толерантность- как благоприобретённое чувство порождается в результате контактов культур и, как следствие, культурного компромисса. Языковая терпимости есть реализация общего этического принципа толерантности средствами языка, и представляет собой выражение значимой лингвокультурологической универсалии в речевой деятельности человека. Воспитание языковой толерантности и повсеместное её распространение в практике межнационального общения есть участие в становлении новой этнической категории, обретающей характер и значение глобальной общечеловеческой ценности.

Ключевые слова: язык, толерантность-терпимость / нетолерантность, лингвокультура, дружба, взаимопонимание, межнациональное общение, культурный барьер, компромисс, свой, чужой, конфликт

LINGUO-DIDACTIC BASES OF EDUCATION LANGUAGE IS TOLERANT (ON THE NATIONAL LITERATURE MATERIAL)

Sanzhina D.D.

Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: dsanzhina@yandex.ru

The article is devoted to the language of tolerance on the example of Buryat literature. Tolerance as благоприобретенное feeling is generated as a result of contacts of cultures and, consequently, cultural compromise. Linguistic tolerance is the implementation of a common ethical principle of tolerance by means of language, and represents a significant expression of linguistic-cultural universals in language activity of the person. Education the language of tolerance and the widespread dissemination of the practice of international communication, participation in the formation of new ethnic categories, taking the nature and value of the global.

Keywords: language, tolerance / intolerance, linguo culture, friendship, mutual understanding, interethnic communications, cultural barrier, compromise your stranger conflict

Новые тенденции в современном педагогическом образовании связаны с целевой ориентированностью обучающегося в системах культурных ценностей, норм, правил и конструирования индивидуально неповторимого внутреннего духовного мира, развитием, его творческого мышления. В этих условиях подготовка будущего учителя – учителя-филолога требует новых подходов к процессу его профессионального становления, развития его личности, творческой индивидуальности, ценностного жизненного самоопределения. Особое значение в решении поставленных задач приобретает языковая толерантность. В последние годы, как известно, внимание ученых и практиков привлекает проблема толерантности-терпимости. Актуальность формирования толерантного сознания, толерантного поведения и толерантной личности подчеркивается в принятой Правительством Российской Федерации в 2001 г. Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

Феномен языковой толерантности как реализация общего этического принципа

толерантности средствами языка представляет собой выражение значимой лингвокультурологической универсалии в речевой деятельности индивида. Анализ языковой толерантности способен раскрыть особенности не только индивидуальной картины мира говорящего, но и понять закономерности, формирующие лингвокультуры [Бочкарев, 2001, с. 33].

В разных языках слово «толерантность» имеет сходное значение и является своеобразным синонимом «терпимости». Основой толерантности является признание права на отличие. Основные критерии «толерантности» и их показатели можно определить, исходя из определения самого понятия «толерантность» – активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культуры, нации, религии, социальной среды.

Языковая толерантность как категория этики и культуры всё ещё мало попадает в поле зрения гуманитарных наук. А именно с ней, наряду с другими видами (идеологическая, сословная, классовая толерантность), связано формирование межкультурного и межнационального консенсу-

са в полиэтническом обществе [Кожухарь, 2006, с. 24].

Толерантность-терпимость по отношению к иному языку, менталитету, иной культуре – не врождённое, а благоприобретённое чувство. Оно порождается в результате контактов культур и, как следствие, культурного компромисса. Тем самым толерантность-терпимость предстает и как категория нравственная.

С начала существования homo loquens («человека говорящего») до настоящего времени язык служит первичным мерилем в дихотомии «свои» («наши») – «чужие» («не наши»). Так, у ряда народов самоназвание связано со значением «свои», «люди, говорящие внятно, на понятном языке», а аллоэтнонимы – с семой «говорящие непонятно». Ср. название жителей Германии у славян – немцы «немые». В Древней Греции различали говорящих на языке эллинов и тех, кто не владел эллинской речью, соответственно эллинофонов и барбарофонов, «говорящих на языке варваров». Подобное восприятие иноязычной речи переносилось и на культуру.

В межкультурной и межнациональной коммуникации XXI века проблема языковой терпимости-толерантности стоит не менее остро, чем у древних. При этом понятие лингвокультурной дифференциации захватывает не только полиэтническое пространство, но и моноязычное / моноэтническое. В однородном лингвокультурном пространстве наблюдается следующая иерархия его составляющих: 1) лингвофон (говорящий на литературно нормированном языке); 2) диалектофон (говорящий на диалектно окрашенном языке).

Между носителями обоих узусов существует (имплицитно и эксплицитно) определённая нетолерантность. Ещё более сложной предстаёт иерархия составляющих в полиэтническом лингвокультурном пространстве. В нём условно выделяются:

1) нострафон (говорящий на «нашем» языке);

2) ксенофон или аллофон (говорящий на другом – «чужом» – языке).

При этом нострафон – это и носитель языка и тот, для кого данный язык неродной [Нерознак, 1991, с. 13].

Воспитание языковой толерантности в каждом из нас и повсеместное её распространение в практике межнационального общения – это участие в становлении новой этнической категории, обретающей характер и значение глобальной общечеловеческой ценности.

Формирование социокультурной терпимости-толерантности – это длительный

процесс, проходящий под воздействием множества фактов, среди которых одно из ведущих мест занимает формирование толерантного-терпимого отношения к другим народам.

Приобщение к богатству культуры других народов может быть реализовано различными методами, в том числе и путём формирования интереса к художественной литературе, в частности бурятской [Санжина, 2014].

Бурятскими писателями давно и успешно разрабатываются вопросы толерантности. Тема дружбы и добрососедства, взаимопомощи и взаимоподдержки людей разных национальностей и в первую очередь взаимоотношения между бурятским и русским народами – это непреходящие темы бурятской литературы. Так, в романе классика национальной литературы Хоца Намсараева «Үүрэй толон» главный герой Цыремпил, совершив неумышленное, случайное преступление (убийство богача Бадмы) у себя на родине вынужден был покинуть родные места, скрываясь от преследования: Ород газарта ороходоо, бээз нюужа шадараш, үнэн харгыгаа олохош «В местах русских (где проживают русские) сумеешь скрыться, найти верную дорогу», – напутствует Цыремпила Нашан Бата. И приводит Цыремпила в дом деда Василия, где, как известно, он нашёл кров и приют. Вот как описывается эта встреча в авторской речи:

Иигэһээр байтар газараа Бата Цыремпил хоёр орожо ерээд, ан бун гэжэ һууха зуураа, Нашан Бата Башка үбгэнтэй энэ тэрэ юумэ дуугаралсана, Башка үбгэн нютагта анха түрүүн ород хүнүүдэй ержэ, бурядуудтай хани холбоотой болоһон түүхыень хөөрэнэ. Нашан Бата баһа эсэгынгээ ород хүнүүдээр сугтаа ажаллажа ябаханаа хөөрэдэгынь һанан һанан, шадараша соогоо дуугарна. Цыремпил эдэ хоёрой хөөрэлдэхые шагнажа, нютагайнгаа энэ тэрэ үбгэдэй ород зон гэшэ тэнюун зантай сэхэ һанаатай юм, тэдэнэй ашаар бурядууд олохон юумэндэ һураһан байха гэжэ хөөрэлдэдэгыень һанажа һуугаа һэн. «Затем с улицы вошли Нашан Бата и Цыремпил, посидев немного, Нашан Бата заговорил со стариком Васькой о чём-то, старик Васька рассказывал как первые русские люди стали селиться здесь, историю их взаимосвязи с бурятами. Нашан как мог, стал говорить о рассказах своего отца о том, как он трудился вместе с русскими. Цыремпилу же, слушавшему этот разговор, стали приходить на ум рассказы его земляков (стариков) о русских людях, о их спокойном, прямом, уравновешенном характере и что благодаря им, буряты многому научились».

В несобственно-прямой же речи главного героя встречаем следующие его размышления о первой встрече с русским народом: Тугаар энэ ород үбгэнэй хөөржэ хуухада уужам даруу абаритай, ухаатай сэсэн үгэтэй байһаниинь намда ямар дулааханаар ханагданаб. Мүнөөхи Доржо үбгэнэймни хэлэжэ хуугааша нээрээшье тиимэ байжа болоо ха. Юрэдөө, ханаад үзэхэдэ, энэ ород айлай үзэгдөө танигдаагүй, зүдэрүү муухай, набтагар хубсаһатай намайе садатарни сай хилээмээрээ хүндэлөөд, дуратай дулааханаар хөөрэлдөөд, хонуулжа байһаниинь юу харуулнаб? Зобохые үзэжэ, ядахые хаража, хоёр гараараа ажал хэжэ, хоолойгоо тэжээдэг арад хүн гээшэмнай хүнэй ядуу мууе, яһанай илгаае харадаггүй, ядаһан тулиһан арад хүниие өөртөө адлиханаар үзэжэ, хайрлан хуудаг ха юм. «Недавно, когда этот русский дед спокойный, скромный, степенный и уравновешенный, сидел и говорил умные слова, каким он душевным, тёплым и близким казался мне. И действительно, то о чём сидел и рассказывал старик Доржи, похоже, что верно. В самом деле, если подумать, ведь эта русская семья меня – совершенно незнакомого, измученного, плохо одетого, напоила досыта чаем, угостила хлебом и ласково поговорив, укладывает теперь спать, так о чём же это говорит? Лишь только те, кто сами испытали лишения, тяжести и трудятся своими руками, чтобы прокормить себя, не смотрят, что ты бедный, плохой и какой национальности, бедных и измученных они жалеют как себя».

Живя у Василия, Цыремпил обучился у него столярному ремеслу, помогая мастерить сани, телеги и когда Василий, поровну разделит полученный заработок, Цыремпил был удивлен, ему казалось, что это неправильно ведь он только лишь помогал, а материал и инструменты принадлежат Василию и ему неудобно брать эти деньги. Но когда Василий и его жена очень настойчиво его убедили, в том, что это честно заработанные им деньги, Цыремпил был глубоко тронут их добротой, сердечностью и искренней заботой о нём. Рано оставшийся без отца, не знавший отцовской заботы и ласки, Цыремпил в порыве чувств называет Василия своим отцом: Ород арад гээшэ уужам даруу, ядаһан тулиһан хүниие туһалха, сэхэ үнэн ханаатай юм гэжэ хэлсэдэг үгэ яаха аргагүй үнэн байна даа. Энэ Башка үбгэн үнөөрөө тэрэ ород арадай хүбүүн мүн ха юм. Тиигээд ород арадай үнэн хайхан сэдхэлые минии нюдэндэ, минии сэдхэлдэ бодотоорнь харуулжа танюулжа үгэбэ гээшэ. Ород арад гээшэ минии эсэгэ гү, али минии аха мүн юм байна. Тиимэ хадаа энэ Башка үбгэн минии эсэгэ гээшэ ха юм. Тиигээд лэ намда туһалжа, тиигээд лэ намайе хургажа байна хаям даа. Тиигээд зосоогоо уяран, бага

уһа гүйшэһэн нюдөөр Башка үбгэн тээшэ хаража: Та минии эсэгэмни болоо гээшэт, эсэгэ шэнгээр хайрлажа, намда туһалаат, эсэгэ шэнгээр заажа хургаат... «Как верны слова о том, что русский народ великодушный, спокойный, прямой и правдивый, всегда старающийся помочь измученным, бедным, немощным. И старик Васька настоящий сын этого русского народа. Русский человек является по-настоящему мне другом, отцом, старшим братом. И поэтому старик Васька мой отец ведь. Поэтому он мне помогает и поэтому он меня обучает. Расчувствовавшись до слёз, глядя на деда Ваську, он сказал: Вы мой отец, вы словно, отец меня пожалели, помогли, как отец, обучили».

Глубокий национальный колорит, отражающий в определённой степени картину мира бурят представляет оценка стариком Доржи, русского народа как самого лучшего из всех народов, как и аргамак среди коней-рысаков: «Хүнэй хайн ород, хүлэгэй хайн аргамаг юм». Буряты же характеризуются русскими как миролюбивые и способные люди. Так, Василий на вопросы, приезжего о том, что за народ буряты, чем они занимаются, отмечает: «Эндэхи буряад зон юрэ зөөлэхэн абаритай, бэрхэхэн зантай байха юм. Тэдэнэр юрэнхыдөө мал ажалтай, таряа тарыдаггүй шахуу, хүдөө тала, горхо голоор эндэ тэндэ ганса нэгээрээ таража худаг юм. «Здешние буряты простые, добрые, способные. В основном занимаются скотоводством, хлебопашеством почти не занимаются, живут одинокими семьями в отдалении друг от друга в степи, вдоль рек и речушек».

Приобщение к чужой культуре, как известно, наиболее эффективно идёт через язык. Языковая терпимость-толерантность предполагает знание или понимание языка представителя иной национальности, проживающего рядом по соседству. И как был удивлён и восхищён Цыремпил, когда жена Василия на чистейшем (тортоггүйхэн) бурятском языке пригласила гостей к столу: «Айлшад, эндэ һүүжа сай уугты, – гэжэ тортоггүйхэн буряад хэлээр тоб байса хэлэжэрхинэ. «Гости, присаживайтесь чай пить, – сказала она на чистом бурятском языке». И далее в романе идёт авторское пояснение: Тэрэ хүгшэнэй буряадаар хэлэхэдэ бэрхые Цыремпил гайхалан янзатай, нэгэ удаа нюурынь хараһанай һүүлдэ, столдо хуужа, Бататайгаа хоюулан сайлажа эхилнэд. «Цыремпил с удивлением посмотрел в лицо старушки, услышав, как она хорошо говорит по-бурятски и лишь, затем сел за стол, и они вместе с Бато стали пить чай».

В связи с поднятой темой также определённый интерес представляет небольшой рассказ бурятского писателя Чимита Цы-

дендамбаева «Эрженя», в котором автор, пожалуй, впервые в национальной литературе поднял проблему языковой толерантности-терпимости. Как известно, главной героиней данного произведения является русская девушка Женя, приехавшая из Ленинграда по распределению в бурятское село работать врачом. Для местного населения, особенно для старшего поколения, было привычнее называть её с нежностью на бурятский лад Эрженя: Энэ багай хүнүүд бултаараа, илангаяа үбгэд хүгшэд, Женя гэжэ сэбэрээр хэлэжэ шадахашье хаа, Жениин нэрые Эрженя болгожорхёо юм. Тиигэжэ нэрлэхэдэ хураггүй зохид ха юм. Эрженя гэжэ нютагайнь бурад басаганай Ленинград ошожо, врач болоод, нютагаа бусажа ерэнхэндэл... «Здешние люди, особенно старики, хотя и могли чисто сказать Женя, но имя Женя переделали на Эрженю. Так звать ведь значительно приятнее. Словно их землячка Эрженя вернулась из Ленинграда, став врачом».

Эрженя пользуется всеобщим уважением за свою доброту и внимательное отношение к больным, подкупает односельчан её простота и готовность придти на помощь в трудное время: ... эндэхи зондо Эрженя доктор гэгдэдэг Евгения Михайловна Иванова айхабтар налархай, урин зантай хүн... Эрдэмтэй доктор хүн гээшэб гээд нуужа байхагүй, тэбдүү сагтаа үмдэ үмдөөд, огорол юумэндэ хүдэлсэдэг, гэр гэхэ болонхой. «... доктор Эрженя, Евгения Михайловна Иванова очень приветливый, ласковый человек, нежно относящийся к здешним людям... Она не сидит, не важничает, что образованный доктор так, в сложное, авральное время может, надев брюки поработать и на огороде по дому».

Но большого доверия и уважения у местного населения Эрженя достигает своим быстрым усвоением их языка. С больными, стариками-бурятами она без всяких затруднений общается на их родном языке, не в пример, работавшему до неё коллеге-врачу, который, прожив более десяти лет среди них, освоил только десяток слов, которые можно использовать только в пределах амбулатории: (Эрженя) Бураад хэлээр уһа саһан. Харин тэрэ түрүүн байгаша Алексей Семёнович тиимэ бэшэ һэн. Арба гаран жэлдэ бураад соо байхадаа, арай гэжэ арбаад үгэ мэдэхэ болоо. Жэлэй ганса үгэ хадаа даншые үсөөн гээшэ бээ. Теэд тэдэшые гансал амбулатори соогоо байхадань хэрэгтэй болодог үгэнүүд. «Амила... Шангаар амила... Ханяа... Халуун би гү? Юумэ эдинэ?» гэхэ мэтын лэ үгэнүүд һэн. Үшөө тиигээд хаанаһаашьеб «шабганса» гэжэ үгэ мэдэхэ болоһон байха. Харин энэ Эрженя гурба дүрбэн жэлдэ бураад соо байхадаа унаган хэлэтэй болошоо. Бураадаар дуу дуулахыень гайхаха юун байхаб! («Женя»

Бурятский выучила замечательно (в высшей степени). Бывший здесь до неё Алексей Семёнович не был таким. Более десяти лет прожив среди бурят, выучил только десяток слов. В год по одному слову это слишком уж мало. Причём эти слова были нужны только в пределах амбулатории. «Дыши... Сильнее дыши... Покашляй... Есть ли жар? Что едите?» – только такие слова. И ещё откуда-то узнал слово «шабганса» – старуха. Эрженя же, прожив всего три-четыре года, уже в совершенстве выучила бурятский язык. И нет ничего удивительного, что она и песни бурятские поёт!».

Такая замечательная девушка, прекрасно говорящая на родном для улусников языке, по душе всем. Старушка Должима, мать Пэтэнхэн, в шутку, как-то говорит Эржене: Иимэ сэбэр хэлэтэй болоо хадаа, Эрженя, бураад хүбүүндэ хадамда гарахал болоо гээшэ хаш. Али би тааруу буряал хүбүү зууршалхамни гү? – гэжэ нэгэтэ Пэтэнхэнэй эжы наадангаа хэлэһэн юм. «Раз так чисто говоришь по-бурятски, Эрженя, надо бы тебе замуж за парня бурята выходить. Может быть, мне подыскать подходящего парня? – сказала однажды мать Пэтэнхэна, в шутку».

Но старушка, как известно, и не подозревала, что между её сыном и молодым врачом уже существуют определённые далеко идущие отношения и возможно со временем молодые люди соединят свои судьбы.

В заключение подчеркнём, что воспитание терпимости-толерантности на материале бурятской литературы связано с глубоким и тонким обучением подрастающего поколения и общества в целом конкретным навыкам толерантного, терпимого поведения, с формированием определенных личностных качеств, наличие которых является необходимой предпосылкой для появления соответствующих установок терпимого, толерантного типа. Речь идет о таких качествах, как чувство собственного достоинства и умение уважать достоинство других людей, осознание того, что каждый человек многообразен в своих проявлениях и не похож на других, позитивное, уважительное отношение к себе самому и представителям других народов и иных культур.

Список литературы

1. Бочкарев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы // ФН, 2001, № 1. – С. 32-39.
2. Кожухарь Г.С. Проблема толерантности в межличностном общении // Вопросы психологии, 2006. № 2. – С. 23-30.
3. Нерознак В.П. Языковая толерантность и культура межнационального общения // Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. – Махачкала, 1991. – С. 12-15.
4. Санжина Д.Д. Воспитание языковой толерантности на материале национальной литературы // Вестник БГУ. Педагогика, 1 (2) / 2014. – С. 21-25.